

Гендерные исследования

**ГЕНДЕР И ДИСКУРС: ОСНОВЫ КОНСТРУКТИВИЗМА,
ГИПОТЕЗА БИОЦЕНТРИЗМА, ИСТЕРИЯ ЖЕЛАНИЯ,
НАРРАТИВНЫЙ ФОРМАТ**

*С.В. ПАНОВ,
С.Н. ИВАШКИН*

Гендерные исследования давно отстают право на существование, задавая вопросом об условиях социального создания представлений о нормах половой телесности и полового поведения в истории человеческой цивилизации, необходимо предполагающей, по М. Фуко, биополитическое программирование и регулирование индивидуальных тел в сфере их идентификационных режимов желания и удовольствия.

Джудит Батлер – одна из классиков современной гендерологии, автор книги «Беспокойство гендера. Феминизм и субверсия идентичности»¹, пытается по-новому определить сущность гендерного конструктивизма, который имел целью, во-первых, преодолеть все формы биосоциального детерминизма, во-вторых, предложить социальную и политическую программу воспроизводства, обеспечения условий легитимности и защиты прав новых гендерных идентичностей, уже размывших границы традиционного «бинаризма».

Батлер заявляет о значимости концептуального наследия М. Фуко, для которого сексуальность явилась точкой взаимоопределения удовольствия и власти, желания и закона, что уже предполагает в любом обозначении пола дискурсивный компонент, включающий пол в контекст норм и конвенций, которые установлены и развиваются и должны быть легитимизированы социальным согласием для возможности функционировать. Однако гендерный конструктивизм имеет для Батлер некоторые ограничения, сформулированные в вопросе «Каким способом я “конструирую” мое тело, каким способом тело уже “сформировано” для меня и вопреки мне», оставаясь весьма смутной реальностью².

Цель гендерного конструктивизма (далекого от абсолютизации субъективной власти над телесной данностью), – критиковать способы и формы биологического детерминизма, проникающие в аксиомы медицинского контроля, в психиатрический дискурс, в социальную и юридическую теорию, во все узаконенные нормы и правила, регулирующие сексуальность. Поэтому императив гендерного конструктивизма таков: мыслить интерсексуальность и пределы бинарной концепции,

подвергая сомнению бинарные различия — источник всех гендерных неравенств. Отсюда гибкая политика идентификации пола как «поля различий», как конструкта, соединяющего в ситуативном балансе индивидуальные проекции, коллективные формы и властные императивы. Одна из центральных задач гендерного конструктивизма — выявить способы влияния власти на уже сконструированное тело и формы его социального конструирования. Концепция гендерного конструктивизма предполагает аксиому сконструированности самой природы, которая проявляется в перформативном функционировании гендера как своеобразном пучке контекстуальных предикатов как фокусе рационализации чувственной данности.

Батлер заимствует из археологического словаря М. Фуко понятие «регулятивный идеал» пола, предполагающее исследование социальной регуляции пола в сообразности с идеальной нормой, самого характера регулятивных действий в их временных и пространственных модальностях, в их перформативных процессах постройки гендерного конструкта. Исходя из априори конструктивизма, Батлер считает половое воспроизводство человеческого рода только историко-социальной институцией, формирующей и развертывающей субъективное тело в его функциональности, что, разумеется, не обозначает его единственный способ существования.

Материальность тела дана нам только «через призму определенного исторического дискурса», а история тела и сексуальности не предполагает, что половое воспроизводство является единственным и необходимым фактором, вокруг «которого организуются тела и сексуальности». Поэтому нет и не может быть какого-либо детерминизма и телеологии, согласно которым гендер мог бы существовать. Однако нет и не может быть сферы абсолютной свободы, которая бы преодолела все определяющее ее отношения свободы самоконструирования. Речь, скорее, идет об опыте проживания во «временной матрице властных отношений» и об определении возможностей гендерного конструирования внутри такой матрицы, чем и обусловлен весь политический пафос гендерного конструктивизма, который в рамках «демократии меньшинств» становится политической риторикой борьбы против любых видов гендерного экстремизма и доминирования, борьбы, требующей объединения усилий разных гендерных групп, конструирования их коалиций в отношении прагматического идеала социального согласия и диктуемых им политических целей.

В перспективе такого «идеал-реального» гендерного конструирования Батлер пытается переосмыслить отношения воображения и символического, порядка представления и порядка закона, указывая, что уже для Фрейда телесное самовосприятие субъекта было определено воображаемым. Однако воображаемое и «воображаемая оркестровка» гендера в философской и культурной традиции Запада

были «колонизировано» маскулинной властью, что может и должно быть поставлено под сомнение³. Отсюда и критика Батлер концепции закона исключения у Лакана, который объяснял механизм психического травматизма действием символического порядка. Но не ведет ли исключение символического и доминанта воображаемого в гендерном конструировании к тупику существования, в котором гендер и гендерная группа не только не могут адекватно воспринять себя и социальный контекст, но и мыслить объективные условия своего бытия, желать, реагировать и действовать?

В русле гендерного органицизма Мартина де Годмар⁴ предлагает рассмотреть гендерную идентификацию с позиций монадологии Лейбница, оправдывающей порядок универсума как органическую метаморфозу. Де Годмар отмечает, что Лейбниц никогда не смешивает живого индивида, которому его физическое тело служит основой и выражением, с отдельными активными монадами, входящими в состав этого живого тела и сообщающими ему свою энергию. Индивид как монадный агрегат наделен пассивной силой сопротивления и активной силой выражения, вписанными в пределы предустановленной гармонии. Делез — внимательный читатель Лейбница — уже указывал на несводимость отдельных монад к индивидуальным существам и персонам. Личность (персона) существует в своем теле как тело существует в личности, что продиктовано законом взаимопроникновения в логике органической метаморфозы. Монада не выводится из индивидуальной субстанции, она выводится из субстанциальной формы (имманентной силы, определяющей ее место в универсуме). Все живые существа, организованные по прогрессивной лестнице творения, наделены чувственным восприятием и познавательными способностями согласно эвристическому и архитектурному принципу непрерывности. Восприятия и стремление к смене восприятий (аппетит) лежат в основании индивидуации любого живого существа, среди которых человек наделен еще способностью к рефлексии, исток которой — в органической сложности человеческого индивида.

Индивиды как органические «машины» — агрегаты монад в их бесконечно малых частях — являются продуктами бесконечных серий других «природных машин» по принципу гармонического порождения монад и их комплексов во всеобщей логике природы. Поэтому живые индивиды в органических телах обретают в органике условие собственного воспринимающего и желющего естества.

Концепт «органической машины» объединяет активность отдельных монад для того, чтобы послужить условием индивидуации любого живого существа. Лейбницевская доктрина монадологии объемлет структуру всех живущих существ независимо от того, вовлечены ли они в социально-исторический контекст или символические практики, поэтому акцент необходимо смещается от исторического как

способа сосуществования волевых проектов к органическому как порядку проявления естества. Отсюда кажется безусловной связь между индивидуальностью существ и их телесностью: живой индивид может выразить мир, только принадлежа целому, будучи сам отражением этого целого, где внутреннее и внешнее, сознание и бессознательное слиты воедино.

Жизнь — это становление во всем комплексе непрерывных динамических обменов между внутренним и внешним, из которых составлена любая «природная машина». Жизнь всегда связана с функциональностью органов. Исходное ограничение творений в их индивидуации трактуется как предел непрекращающихся метаморфоз, причина которых в многообразных изменениях монад, в своем сосуществовании создающих явленный и мыслимый мир. Однако в силу инерционного сопротивления сущности высшего порядка не могут перевоплотиться в сущности низшего (человек не может трансформироваться в бабочку)⁵.

В человеческих индивидах органическое тело и рефлектирующая субстанция (дух) совершенно сообразны: органическое тело «природной машины» — единственная материальность, сообразная способности рефлексии, так как она таким способом предустановленно создана и организована. Более того, эта материальность необходима для мыслящей деятельности в себе и над собой рефлектирующего человеческого существа, что, собственно и делает индивидов способными на личностное самоопределение. Поэтому пресловутый вопрос о биологической и социальной природе понимается здесь как вопрос о связи телесной органики, пол которой вписывается в непрерывность становления, преодолевающего противоречия, и гендером, который относится, по мнению де Годмар, к юридическому статусу личности. Общество — это система, которая свидетельствует о возникновении и существовании живого в контексте символических и социально-юридических связей, поэтому личность — органический индивид, взятый в совокупности его отношений к общежительным нормам и ко всем другим живым существам. Общение, свойственное разумным душам, предполагает, очевидно, лицо и голос, которые образуют саму личность как субъект самопредставления и поступка. Статус личности основан на (взаимном) признании других мыслящих существ, которые доверяют «представлению тела с человеческим лицом», тела, заставляющего понимать себя в общении, в разговоре. Доверие Лейбница отлично от декартовой достоверности, предполагая согласие по критериям взаимопризнания, которые могут развиваться и быть пересмотрены, что, несомненно, создает концептуальную основу гендерного конструктивизма.

Живая реальность личности (персоны) выражается одновременно в органике и в аффективной и желающей временности (душевной организации). Право-моральная личность укоренена в естественном теле и

физическом универсуме, так как она отождествляется с определенным местом мира (*situs*), с «респективным» местом индивида. Человеческое тело существует в двух бытийных уровнях: глубокий уровень действия монад, которые образуют индивидуальный организм, и уровень выражения личностей на видимой сцене исторического бытия – в форме интер-индивидуальности, понимаемой как область взаимовыражения.

Тела больше, чем сообразные явления, а личностные маски, проявляющие их социальную сущность, не просто возможные состояния одной и той же личности, а разнообразные реальности, обусловленные порядком универсума. Поэтому женская или мужская персонализация органического тела актуализирует только одну из многочисленных естественных расположений тела.

В логике метафизического органицизма личности, действующие в социально-историческом контексте, проявляют публично бессознательную энтелехию тела, что предполагает временной синтез субъекта: мы представляем другому лицо и стиль телесного выражения, продиктованные индивидуальностью и хранящие память наших прошлых состояний и стремления будущих ориентаций. Личность отождествляется с живым индивидом во множественности связей, которые его органическое тело объемлет, что дает ей большую свободу действия в пределах сохранения жизни и человеческого достоинства. Человеческое тело – не пассивный инструмент активной воли, но проявление существования индивида, испытывающего свою способность действия на себя и других в порядке универсума⁶.

Гендерный органицистский конструктивизм де Годмар предполагает завершение природной гармонии в самопризнании телесной индивидуальности, схема которого воспроизводится во взаимопризнании личностей и их согласия о нормах взаимовыражения и взаимопроявления, что открывает возможность для вопроса об основании такого схематизма. Производство гендерной предметности как «социокультурной действительности» в основе своей имеет метафизику пола как проецирование условий самочувствия и самоощущения в той мере, в какой эти условия стали принципами социокультурного самочувствия и присвоения права говорить о его продуктах, присвоения права производить продукты этого самочувствия как фигуры дискурса.

Для Ж. Пулэна гендерный конструктивизм связан с консенсуальным симптомом современной цивилизации, продуцирующей формы согласия и нарративную идентичность пола или личности только на основе его вербального самоопределения и признания этого самоопределения другими. Неопрагматическая прозопопея согласия гарантирует таким образом гармонию как перцептивного и познавательного акта с видимым миром и его предполагаемой структурой, так и гармонию человека с источником собственного волевого существа и проекцией социальной реальности.

Так производится необходимая всеобщая регулятивная инстанция опыта и поступка — «слепой консенсус», напрасно призванный преодолеть раздел реального «белой» магией именованного и слова действия в фигуре «общественного животного», созданного сообразно «целям свободы», животного, в котором безупречно скоординированы «система желаний и действий» и «система когнитивных и стимулирующих восприятий». Прагматический «демон» заставляет каждый раз воспроизводить коммуникационную модель согласия «безупречного автоматизма», заменяя им вакантную позицию «Третьего» (внеположных отчужденных сил или суверенных богов), гарантировавшего условия развертывания любого человеческого действия, выбора, решения, аффекта. Пропозициональная прозопопея преобразуется в аргументативную прозопопею «коллективного процесса легитимации» как гендерных групп, так и социальных, моральных, юридических институтов.

Поскольку условием аргументативной дискуссии как ритуала взаимопризнания социальных групп явилось снятие любых предшествующих обязательств в опыте радикальной проблематизации и редукции традиционных потребностей и норм, аргументативный механизм производства условий сосуществования восстанавливает структурную схему шаманистского ритуала как обретения согласия с внеположным Третьим через преступание всех запретов в священном безумии, которое, как кажется, сублимирует любое стремление господствовать или проявлять насилие в отношении к другому.

Коллективное согласие как безусловное требование морального долга реализуется как в априорном самоопределении человеческой воли, так и в самой фактичности бытия: легитимирующий любые проявления человеческого существа и социального организма консенсус возводится в инстанцию абсолютного суждения об объективных условиях социальных отношений, которые в нем объективированы. Отсюда и всеобщая политизация частной и социальной жизни, которая состоит в обращении видимого согласия всех со всеми в принцип, средство и цель действия каждого. Слепая демократическая идентификация всех со всеми исходя из единственного факта произнесения суждения о суждениях самих себя и других воспроизводит действие закона языковой прозопопеи в каждом социальном акте, что закрывает возможность отношения личности к истинным условиям своей социальной и гендерной идентификации⁷.

Механизм демократической идентификации социальных меньшинств, связанной, по Пулэну, с отказом неолиберального государства от обеспечения любых социальных гарантий своих граждан, вынужденных поэтому создавать свои собственные культурно-жизненные регулятивные миры — миры меньшинств, можно наблюдать в социальном конструировании гендерных тел. Как показывает

Тьерри Окэ, в гуманитарном дискурсе сложились две традиции в прочтении социальных практик конструирования собственного тела:

1) перфекционизм (Эмерсон, С. Кэйвел), который видит основной мотив телесного совершенствования в преодолении бодибилдером, лицом, выбирающим коррекцию своих телесных недостатков пластической хирургией или представителем сексуального меньшинства, выстраивающим свое тело согласно ценностно-вкусовым ожиданиям своей социокультурной среды, внушенного культурой прогрессирующего стыда за собственную телесность, ненависти к нашему актуальному телесному статусу, что позволяет ему обрести сознание своего подлинного «я» в образе выставленной напоказ мужественности;

2) социальный миметизм (Т. Окэ, Т. Подлесней, К. Пэрадис), указывающий на социально-психологический механизм волевой организации собственного тела, в котором главную роль играет массовый симулякр «идеального тела»: «возвышенный телесный архетип», тиражируемый обложками популярных журналов, уже являясь китчевой подделкой образов красоты высокого искусства, становится источником массового производства симулякров — сконструированных тел подражателей — носителей массовой культуры, которые в своей пресловутой уникальности только повторяют и отражают друг друга.

Социальный миметизм вскрывает внутреннюю истерию бодибилдера: в конструировании своего тела бодибилдер не просто восстанавливает и усиливает ощущение волевого «я» в противовес телесному нигилизму повседневности, он стремится выстроить эмпатико-эротический диалог с самым широким кругом зрителей. В постоянной экспозиции своего тела, в бесконечной рутине его спортивной подготовки он пытается создать некую новую социальность, привлечь, заставить разделить любых наблюдателей торжество результата, который несет в себе печать усилия, заставить желать не природную данность, а созданный продукт и саму способность управления этим продуктом.

В гендерном конструировании гей-культуры гипертрофированная мужественность «идеального тела» раскрывает истерию «мачо-гея», который вовсе не подражает гетеросексуальной вирильности: мускулистое тело позволяет отождествить себя с мужской гетеросексуальной идентичностью, стимулируя постоянно ее преодолевать, разрушать, стирать любые ее признаки. Тезис социального миметизма не столько разрешает, сколько подтверждает проблему конструирования гендерного меньшинства: гей-телесность выставляет себя на показ, возбуждая скрытое желание, вождение анонимной публики, заставляя воспринимать себя как предмет потребления, необходимо отсылая к гетеросексуальной культуре автаркической трансформации тела в товар рыночного спроса и пародируя его продаваемость⁸.

Может ли гендерное меньшинство выстроить собственное тело в позитивном регистре, давая положительное содержание своим теле-

сным и эротическим практикам вне всякой негативной отсылки к доминантной гендерной культуре, вне всякого мимесиса существующих уже в культуре форм гендерной идентификации? Почему гендерному сообществу всегда необходимо прибегать к социальному мимесису, что выявляет его внутреннюю истерию — претензию оспорить доминирующее положение основной гендерной культуры?

В ракурсе истерии желания как внутреннего механизма современного радикального гендерного конструктивизма нашумевшая книга лидера феминистской гендерной теории, классика современной квир-теории Беатрис Пресиано «Тест Джанки. Пол, лекарство и биополитика»⁹, известную своим «контргендерным манифестом» («Manifeste contresexuel») 2000 г., анализируется Эльсой Дорлэн.

Новая книга Б. Пресиано представляет собой описание «телесного опыта», отчет об индивидуальном нелегальном эксперименте над собственным телом, который состоял в добровольной, осознанной интоксикации синтетическим тестостероном, оцениваемой автором как «хроника конструкции/деконструкции субъективности» на «пересечении теорий, молекул и аффектов». Это самоиспытание, которое приравнивается автором к технобиологическому «путешествию», сопровождаемому социальным непониманием и неприятием со всеми его эффектами, ставит под вопрос доминантное нормативное различие мужского и женского. В течение 236-ти дней Б. Пресиано вводила себе искусственный тестостерон, претендуя на то, чтобы назвать это «политическим экспериментом» в наше современное «панк-средневековье», где в области половой идентификации царствует «техно-порно-политический режим».

Под влиянием классиков биополитической теории гендера — М. Фуко, Донны Хэрауэй, Дж. Батлер и Терезы де Лаурентис — Б. Пресиано пытается осмыслить современный властный диспозитив, который превращает наши тела в субъекты, наделенные полом. Выявляя биохимические и порнографические техники актуального конструирования гендера, которыми развитой капитализм продолжает манипулировать индивидуальными телами и идентичностями для обеспечения условий собственного воспроизводства, т.е. производства социальных отношений на основе постоянного самоцельного роста капитала — роста наслаждения, Б. Пресиано показывает, что медицинский дискурс больше не имеет монополии на истину пола, которую этот дискурс и властный инструмент управления гендерной идентификацией отныне вынужден делить с индустрией массовой культуры, хотя его дисциплинарная власть остается все еще непререкаемой.

В этом демарше Б. Пресиано следует положениям «Киборг-манифеста» («Cyborg Manifesto» D. Haraway) Д. Хэрауэй, которая деконструирует гендерную идентичность начиная с 1985 г. В этом открыто политическом манифесте, адресованном «марксистским

постструктуралистским феминисткам», автор одновременно трагично и иронично утверждает необходимость осмыслить половое различие и гендерную идентичность на основе современных условий материального производства и человеческого существования. Доминантная гендерная идентичность мужчина/женщина определяется Д. Хэрауэй как одновременно ужасная и агонизирующая фикция социального воображения, которая с трудом скрывает актуальное становление человека постмодерна и неолиберального потребления киборгом, пронизанность наших тел естественным и искусственным (органическим и технологическим) без возможности определить, где начинается одно и заканчивается другое.

Признание этой биотехнологической гибридизации наших естественных тел связано с радикальной критикой патриархата и классовых антагонизмов современного общества неолиберального капитализма, однако эта критика имеет целью не ограничение социального и гендерного манипулирования в наслаждении свободой создания собственных идентичностей, а в снятии социально-институциональных запретов на индивидуальный поиск и реализацию собственного Я, поскольку свобода самоконструирования, являющаяся прагматической аксиомой и теоретическим основоположением, не ставится и не может быть поставлена радикальным феминизмом и левой гендеристикой под вопрос.

Современные биотехнологические медицинские методы подтверждения и создания гендерных идентичностей связаны с социальным манипулированием, осуществляемым милитаристским империализмом, с внушаемыми обществу мифосемантическими системами, облеченными функцией порождения тел и их идентификации. По Д. Хэрауэй, мы уже давно живем в эпоху, когда частное и коллективное воображение выстраивается магическим действием высокобюджетной голливудской продукции, а актуальные условия человеческого существования приравнивают нас к роли мутанта, лабораторного животного — генетически расшифрованного, технологически изменяемого, напичканного индустриальными приспособлениями, химически отравленного, функционально стимулируемого и контролируемого, выдрессированного и прирученного.

Однако нужно ли подражать принципу прироста удовольствия современного неолиберального консьюмеризма для того, чтобы выстроить собственную гендерную идентичность через снятие всех символических и биологических запретов, которое мы наблюдаем в эксперименте Б. Пресиано? Нелегальное использование тестостерона, кажется, предоставило ей пресловутое право приравнять ее опыт с условием материального существования всех женщин детородного возраста, живущих в развитых странах мира и пользующихся средствами биохимической контрацепции, а также и мужчин, употре-

бляющих анаболики или средства, повышающие потенцию. По ее мнению, так называемая «природная данность» пола – не более чем мифологема в эпоху постиндустриального капитализма, который превратил гендер в торговую «марку», подчиняя его биомедикаментозному регулированию, конструированию, коррекции: отныне чтобы быть «мужчиной» или «женщиной», нужно лишь принимать нужные запатентованные лекарства, прописанные медиками, облеченными биофармацевтическим капиталом властью в виде дипломов, сертификатов и лицензий.

Насколько оправдан эксперимент Пресиадо, которая стремится в приеме искусственного тестостерона не обрести собственную трансгендерную идентичность, а доказать действенность «антигегемонического» самоконструирования, оспаривающего властный режим постмодерна и его доминирующий способ гендерного управления. Очевидно, что это «антигегемоническое» самоконструирование способно впасть в чистый солиписизм самосоздания, хотя мы не можем, по утверждению Э. Дорлэн, извлечь этот эксперимент из политического контекста, характеризующегося тотальным технологическим превращением наших тел в манипулируемые комплексы «биотехнических органов»? ¹⁰

На этот вопрос возможен обстоятельный ответ, который дает Присийль Турай в статье «Неразличимость пола и гендера, или конструктивистская ошибка». П. Турай, позицию которой можно было бы обозначить как биоцентризм или биоцентристский конструктивизм, настаивает на внутреннем концептуальном противоречии радикального конструктивизма, казалось бы, снявшем раз и навсегда биологическую детерминанту пола, приравняв ее к социальной. Ошибка конструктивизма, по мнению П. Турай, – в конфликте легитимности его претензий на определение гендера, в противостоянии наукам о жизни. Для ясного понимания концепта гендера необходимо согласовать определение «тела» с науками о жизни. Критика конструктивизма, осуществляемая П. Турай, выявляет в нем познавательный аутизм, вытеснение любых позитивных знаний о чисто биологических различиях. Для гендерного конструктивизма представление о половом различии формируется социально, пол, по определению, есть гендер.

Если мы, к примеру, допустим, что все половые признаки и черты не исчезли бы в безгендерных обществах, то необходимо учесть очевидное: социальные нормы не могут создать такую вариативность сами по себе. Они только могут создать различие тел, которые индивиды не смогут передать потомству. Существование материальности тел, независимой от мысли, – вот что бойкотируется конструктивизмом в теоретическом уравнивании пола и гендера.

Могут ли гендерные нормы сами по себе на протяжении развития цивилизации увеличивать частоту определенных биологических ва-

риаций, связанных с полом, и производить их селекцию? Эта гипотеза никогда не рассматривалась феминистской теорией, так как невозможно теоретизировать на эту тему, если концепты биологического пола и гендера синонимичны. Для выявления неточности употребления этих понятий, может иметь ценность точка зрения на полпути между умеренным конструктивизмом в различении пола/гендера, который таким образом приписывает понятие биологического пола наукам о жизни, и радикальным конструктивизмом, который совершенно снимает это различие в пользу социального детерминизма.

Феминистская критика, присваивая себе концепт гендера, якобы берущего на грузку социального аспекта, оставляет биологический аспект за общепринятым определением, совершая ошибку, — не выявляя социальное в противовес наименее социальному определению биологического пола, она не может увидеть того, что в определении тело могло быть теоретизировано как социальное. По мнению П. Турай радикальный конструктивизм решил эту проблему наоборот: вместо переосмысления границ между полом и гендером, он якобы их совсем устраняет во имя той идеи, что «пол так же сконструирован, как и гендер», что «пол создается гендером». Современные гендерные исследования, которые следуют батлеровской эпистемологии, упускают различие между «полом» в единственном числе и «полами» во множественном числе.

В этом гендеристика поступает в русле расхожего жаргона обыденного понимания, она остается его пленницей, точно как и феминистская критика в биологии, которая ей служит эпистемологической опорой. Для обыденного понимания индивиды отождествлены с полом, это фактическая физическая реальность, как и набор вторичных половых признаков. Конструктивная задача, по мнению П. Турай, должна была бы состоять в выявлении того, в чем эта эквиваленция проблематична, показать, что не «пол», а обозначения самец/самка возведены в предмет обыденного верования в социальном порядке. Опириуя радикальным эпистемологическим различием между полом, относящимся к сущностному содержанию индивидов, и полом, выраженным в определенных частях индивидуальных тел, гендерные исследования не способны выстроить и внушить их точку зрения на половое и гендерное различие, опускаясь в голый неаргументированный антинатурализм, который им так часто ставят в упрек¹¹.

По мнению П. Турай, вторичные половые признаки весьма разнообразно варьируются по биологическим видам и внутри человеческого вида. Множество этих признаков появляется у других видов животных как результат «скрещивания» генных доминант и социальных форм, свойственных каждому виду. В гендерных исследованиях никто не ставил вопрос, как эти признаки появились в человеческом виде. Их вариативность и особенно их внутривидовая вариативность

(в сравнении с приматами) — аргумент, который никогда серьезно не рассматривался и не оценивался.

Речь здесь идет о главном аргументе, о точке зрения эволюционной антропологии, которая заставила сомневаться в том, что вторичные половые признаки были различно отобраны в ходе исторического развития нашего вида. Это сомнение касается различий в росте, волосяного покрова на теле, регистров голоса, скопления жировой ткани на определенных местах и даже внешнего вида гениталий.

Первое исследование в ракурсе этой гипотезы касалось различия в росте между мужчиной и женщиной. Как предполагается П. Турай, режимы социального неравенства порождают неравные возможности в питании, которые охватывают все категории человеческого сообщества — доминирующих и подчиненных. Гендерный режим имел следствием неравный доступ к ресурсам протеинов, их меньшего количества для женщин во многих культурах, расположенных далеко друг от друга. В перспективе эволюционной биологии эти различия в рационе представляют силу социального отбора, позволяющую не выбирать женщин большого роста, что очевидно не согласуется с законом естественной селекции, так как женщины имеют равную и даже большую, чем мужчины, потребность в белковой пище по причине их естественной биологической роли — вынашивания и вскармливания потомства.

В этой связи было бы продуктивным исследование гипотезы об основаниях эволюционного «полового диморфизма роста», который, как кажется, был продуктом социального отбора полового партнера в западных обществах. Идея того, что мужчины должны быть высокими, а женщины ниже, чем их партнеры, в социальном гендерном конструировании привела бы к исключению из матримониальных отношений, отношений воспроизводства мужчин самого низкого роста и самых высоких женщин как желанных партнеров, что было бы действенным аргументом социального обоснования полового диморфизма.

Важный вывод биоцентризма П. Турай состоит в том, что человеческие общества пока не имеют власти создавать тела с половыми признаками посредством спортивных упражнений или хирургии. Реально они могут только выбирать (сознательно или нет) генетические признаки, не создаваемые ими, произвольно связанные с представлением о поле, с тем, чтобы частота желаемых вариаций увеличивалась в популяции. Природа является основой для любых социальных отборов нужных признаков, именно ДНК, а не культура сама по себе предлагает внутривидовые мутации определенных характеристик, связанных с полом, которые могли бы быть использованы в дальнейшей внутривидовой исторической дифференциации тел. Гендерный конструктивизм, по мнению П. Турай, имел бы необходимое и достаточное основание, если бы он доказал возможность искусственного создания реальных половых признаков, создания условий отбора

вариаций, которые не были бы уже предложены и отобраны природой, поэтому и конструктивистское упразднение различия концептов пола и гендера представляется необоснованным.

В определении видовых особей, как показывает П.Турай, мы должны сохранить термин «половой» за теми признаками, которые хранятся и передаются генетически, и термин «гендерный» за признаками, созданными культурой, не хранящимися и не воспроизводимыми ДНК. П. Турай констатирует, что западная биотехнология еще не научилась управлять геномом, не может формировать вторичные половые признаки, а гендер как социальный пол может только выбирать, манипулировать естественными половыми признаками, поэтому различие пол/гендер эпистемологически обосновано и необходимо для гендерных исследований. Для Турай необходимо ограничить претензии радикального конструктивизма указанием на биологическую природу половых признаков и биологической основы для любых гендерных манипуляций по поиску идентичности: мы можем говорить не о гендере и поле как таковых, а только об индивидуальных телах, имеющих те или иные половые или гендерные признаки и особенности, и в этом, как видится, перспектива уравновешенного гендерного подхода, который выводит гендер из сферы свободного самоконструирования, производимого в противовес биомедицинской власти и политике фармацевтического капитала¹².

Принимая взвешенные биоцентристские возражения П. Турай, нужно отметить, что гендерный конструктивизм обусловлен не только снятием различия пол/гендер, но и способом этого снятия — нарративным форматом концептуальной идентификации гендерной теории и самого социального пола: я являюсь мужчиной, женщиной или трансгендером исходя из того, что я себя так и по своему самочувствию и своей воле аттестую, предъявляя эту аттестацию для незамедлительного признания сообществом и его институтами, т.е. я принадлежу к определенному полу только на основе факта моего словесного самоопределения.

Мы можем наблюдать подмену натуралистской или биополитической идентификаций пола нарративной в автобиографии Томаса Беати¹³, первой в истории трансгендерной женщины, изменившей свой гражданский пол после психиатрической диагностики и операции смены пола путем мастэктомии (удаление грудных желез) и гормонотерапии, приостановившей гормональное стимулирование и после нескольких неудачных попыток зачатия и беременности родившей здоровую девочку в 2009 г., будучи в гражданском статусе мужчины.

Этот эксперимент был в центре самого широкого общественного интереса и медиального освещения. По мнению Лоранс Эро, история Томаса Беати демонстрирует опыт создания новой социальности: трансгендерная метаморфоза не столько сформировала индивиду-

альное тело Томаса Беати, сколько послужила основой для создания настоящей семьи (брак с Нэнси), для построения новых позитивных социальных связей. Гендерная идентификация Томаса парадоксальна: по его словам, он «воспользовался репродуктивными органами для того, чтобы стать отцом», он стал для самого себя «суррогатной матерью». Л. Эро предлагает прочитывать эту идентификацию как общечеловеческую идентификацию любого социального меньшинства: наша общая судьба состоит в том, чтобы создать и заставить признать собственную особенность, проявляя все многообразие социальных взаимосвязей¹⁴.

Но не является ли эта идентификация стерильной, поскольку и индивидуальная идентификация и формирование межиндивидуальных связей является одним и тем же — продуктом совместного признания субъективных и коллективных статусов на основе их простой вербальной декларации вне всякой возможности оценить их объективные условия существования?

Как представляется, гендерная идентификация в ее нарративном формате находит радикальное обоснование в постонтологии пола Ж.-Л. Нанси, который выводит половые отношения из порядка сущего, относя их к самому онтико-онтологическому различию, различию бытия и сущего, которое никогда не явлено как таковое, поэтому закон пола — бесконечное наслаждение, а не означивание¹⁵. Отсюда гендерная идентификация, по существу, бесконечна и сингулярна: любое тело, любой индивид уже предполагает свой уникальный пол и его беспредельное повествовательное оформление, именно потому что никакого определенного пола нигде и никогда не дано. Однако задача для мысли все еще сохраняется: как определить гендерное различие, свой гендерный статус исходя из истины пола, заданной конечностью нашего существования, а, значит, и пределом наслаждения?

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Butler J. Gender trouble. Feminism and the subversion of identity.* – L.; N. Y.: Routledge, 1990.

² *Butler J. Le corps est hors lui / Entretien par S. Duverger et Th. Hoquet // Critique.* 2011. Janv.-fev. № 764 – 765. P. 73.

³ *Ibid.* P. 79 – 85.

⁴ Мартина де Годмар (*Martine de Gaudemar*) профессор университета Париж-10 (Пари Уэст Нантер), философ, психоаналитик. Ведет семинары по проблемам социальных наук, философской антропологии и философии культуры, касающихся вопросов сознания, персональной идентичности. Автор работ по рациональности в классическую эпоху и монографий: Лейбниц, от силы к субъекту (*Leibniz. De la puissance au sujet.* – Paris: Vrin, 1994; 2001), Голос персонажей (*La Voix des personnages.* – Paris: Cerf, 2011).

⁵ *de Gaudemar M. Metamorphoses organiques: une approche monadologique // Critique.* 2011. Janv.-fev. № 764 – 765. P. 62 – 65.

⁶ Ibid. P. 66 – 72.

⁷ См.: *Poulain J.* L'injustice capitaliste et la justice du jugement // Qu'est-ce que la justice? La justice devant l'autel de l'histoire. – Saint-Denis: PUV, 1994. С. 75 – 95.

⁸ *Hoquet Th.* Beefcake. Corps gays hystériques et érotiques // Critique. 2011. Janv.-fevr. № 764 – 765. – Paris: Minuit, 2011. P. 10 – 15.

⁹ См.: *Preciado B.* Testo Junkie. Sexe, drogue et biopolitique. – P.: Grasset, 2008. 400 p.

¹⁰ См.: *Dorlin E.* Homme/Femme. Des technologie de genre à la géopolitique des corps // Critique. 2011. Janv.-fev. № 764 – 765. – Paris: Minuit, 2011. С. 16 – 18.

¹¹ См.: *Touraille P.* L'indistinction sexe et gender, ou l'erreur constructiviste // Critique. 2011. Janv.-fev. № 764 – 765. – Paris: Minuit, 2011. P. 88 – 89.

¹² Ibid. P. 90 – 99.

¹³ См.: *Thomas B.* Labor of Love. The Story of One's Man's Extraordinary Pregnancy. – Berkeley: Seal Press, 2008. 329 p.

¹⁴ См.: *Hérault L.* Le mari enceint: construction familiale et disposition corporelle // Critique. 2011. Janv.-fev. – Paris: Minuit, 2011. № 764 – 765. P. 53.

¹⁵ См.: *Нанси Ж.-Л.* Сексуальные отношения? / пер. с. фр. А. Черноглазова. – СПб.: Алетейя, 2011. С. 49.

Аннотация

В статье рассматриваются основные течения в современных гендерных исследованиях и феминизме – конструктивизм и биоцентризм. Концептуальной основой конструктивизма явилась метафизика органицизма Лейбница, определяющего индивидуальное сознание через свободу его самосозидания и выбор возможностей существования. Радикальный конструктивизм связан со снятием любых символично-биологических детерминант, с истерией желания, воплощенном в телесных практиках и производстве идентичностей в постмодерне. В основе гендерной идентификации оказываются формы согласия культурно-жизненных миров и нарративный формат гендерного конструирования, которое обосновывается постонтологией в аналитике наслаждения.

Ключевые слова: гендер, пол, конструктивизм, органицизм, биоцентризм, натурализм, истерия, биополитика, идентификация, перфекционизм, миметизм, постонтология.

Summary

The article examines the main currents in modern gender and feminist studies – constructivism and biocentrism. The conceptual basis of constructivism was Leibnitz's metaphysics of organicism defining individual consciousness by the freedom of its self-creation and by a choice of existential possibilities. Radical constructivism involves abolition of any symbolic and biological determinants, with hysteria of desire, which is embodied in corporal practices and in postmodern production of identities. Gender identification is based on consensual forms of cultural and life worlds and the narrative format of gender construction, which post-ontology locates in the analytics of pleasure.

Keywords: gender, sex, constructivism, organicism, biocentrism, naturalism, hysteria, biopolitics, identification, perfectionism, mimetism, postontology.